Аренякин.

Ратным товарищам.

1831

Δ 493/292

Д 493/292

РАТНЫМЪ ТОВАРИЩАМЪ.

ФУРАЖИРОВКА ЗА ВИСЛОЙ ВЪ ПОЛЬСКУЮ КАМПАНІЮ 1831 г.

А. М. Дренякина.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая № 26.
1883.

Д 457/369 Ч 01 3-106 П/98
Д 493/292

ФУРАЖИРОВКА ЗА ВИСЛОЙ

ВЪ ПОЛЬСКУЮ КАМПАНІЮ

1831 года.

С.С.С.Р. БИБЛ. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН.СЕКТ.

Д 493/292

РАТНЫМЪ

ТОВАРИЩАМЪ.

БЖЧ Д736р

ФУРАЖИРОВКА ЗА ВИСЛОЙ

ВЪ ПОЛЬСКУЮ КАМПАНІЮ

1831 г.

А. М. Дренякина

1883 г.
Харьковъ. Типографія Окружнаго Штаба. Нѣмецкая. № 26.

Дозволено цензурою. Москва, 1883 г. Марта 14 дня.

А 38-7087

Въ мартовской книжкѣ „Русскій Вѣстникъ“ за 1878 годъ помѣщена статья подъ названіемъ „Фуражировка за Вислой въ Польскую кампанію 1831 г.“ написанная мною въ 1877 году, подъ вліяніемъ готовности къ войнѣ за освобожденіе Христіанъ Балканскаго полуострова—въ предостереженіе юныхъ ратныхъ товарищей отъ непроизводительной гибели—попасть въ списокъ *безъ вѣсти пропавшихъ.*

Преслѣдуя намѣченную цѣль, предлагаю вышеназванный разсказъ мой отдѣльною книжкой.

А. Дрянкинъ.

1883 года.

10 Апрѣля 1877 года. Бѣлгородъ.

Въ походной жизни военнаго человѣка бываютъ случаи, которые хотя и не оставили по себѣ даже царапины, но настолько однако врѣзываются въ памяти, что, при малѣйшемъ поводѣ къ воспоминаніямъ о давно минувшемъ, какъ-бы сами собою являются предъ вами во всей свой свѣжести. Къ сожалѣнію, поводы эти для меня съ каждымъ годомъ становятся рѣже и рѣже. Изъ современныхъ событіямъ товарищей-однополчанъ иные умерли, иные промѣняли мечъ на перо, другіе на орало, и разойдясь въ разныя

стороны, доживаютъ вѣкъ свой уже на рукахъ внуковъ, знакомя конечно ихъ съ тѣмъ, какъ служили, воевали, какимъ подвергались неожиданностямъ.

По поводу прочитанной мною въ *Военномъ Сборникѣ* статьи Стараго Егеря озаглавленной: *Двадцать пять лѣтъ лейбъ-гвардіи въ Егерскомъ полку*, вздумалось и мнѣ подѣлиться съ читателями тѣмъ, что было въ свою очередь и со мною да благополучно миновало. На этотъ разъ ограничусь разсказомъ въ самой тѣсной рамкѣ кое-чего изъ случившагося со мною за Вислой во вторую кампанію противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году.

17 (29) ноября 1830 г. вспыхнуло въ Варшавѣ возмущеніе. 24 ноября покойный Государь, на разводѣ, изволилъ объявить походъ и гвардіи. Измайловскій полкъ, въ рядахъ котораго я былъ тогда подпрапорщикомъ, выступилъ изъ С.-Петербурга 3 января

1831 года и 25 февраля, перейдя по льду черезъ Нѣманъ, вступилъ въ Царство Польское у Алексотена, ниже того мѣста гдѣ въ 1812 году Наполеонъ перешагнулъ на Русскую землю. Около половины марта, мы были уже въ Ломжѣ, и тутъ только поняли, что стоимъ предъ непріятелемъ, которымъ нельзя пренебрегать, и что до отдыха въ Варшавѣ и высылки оттуда сестрамъ нашимъ варшавскихъ башмаковъ, далеко не близко. Событія между Вислой, Бугомъ, Наревомъ и прусскою границей, съ перемѣннымъ для насъ счастіемъ, считая и отступленіе гвардейскаго корпуса по направленію къ Бѣлостоку, еще болѣе убѣдили насъ въ томъ. 29-го мая скончался отъ холеры нашъ фельдмаршалъ, графъ Дибичъ Забалканскій. По прибытіи же къ арміи 12-го Іюня новаго главнокомандующаго графа Паскевича-Эриванскаго, гвардейскій корпусъ, послѣ долгой стоянки у Макова, снова пе-

решелъ въ наступленіе съ прочими войсками, и черезъ Цѣхановецъ, Плоцкъ, Липно, у Осека на Нижней Вислѣ, близь прусской границы, переправился черезъ эту рѣку по наведенному мосту, на лѣвый ея берегъ. Главная квартира стала въ Нешавѣ; гвардія около Бржеша, тоже по направленію къ Варшавѣ.

Помнится, что тогда между офицерами было глухое осужденіе движенія почти всей арміи за Вислу. Называли его слишкомъ рискованнымъ. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣмъ, что ни одинъ Кракусъ, ни передъ нами, ни въ тылу не показывался помѣшать переправѣ. Скептики вѣрили слуху, будто бы польскій главнокомандующій умышленно далъ намъ перейти Вислу, чѣмъ мы добровольно теряли базисъ—отрѣзывали себя отъ Имперіи и отъ всякой съ ея стороны помощи, въ случаѣ неудачи.

Я былъ произведенъ въ прапорщики.

Стратегическими соображеніями мало занимался; пропускалъ мимо ушей что толковали наши стратегики, думая что яйца курицу не учатъ. Да, по правдѣ сказать, не мало было и ближайшихъ заботъ: какъ бы за шею не лило; было бы что курить, да поѣвъ похлебки, зачастую, солдатской съ сухаремъ, и неизбѣжнаго toujours битокъ, издѣлія деньщика, хорошенько соснуть; потомъ, напившись маркитантскаго чаю не разбирая воды, снова завалиться въ шалашъ.

По переходѣ на лѣвый берегъ Вислы, нашъ полкъ сталъ, какъ сказано, у Бржеша. Тутъ мы узнали, что нѣсколько дней простоимъ на мѣстѣ, для пополненія продовольствія, къ чему главнокомандующимъ были приняты самыя энергическія мѣры, любезныя войскамъ, усиливающія вѣру въ вождя. Мы были уже въ половинѣ іюля, и хотя поля были покрыты зрѣвшими хлѣбами, служившими на бивуакѣ мягкою по-

стелью, войска все же должны были искать фуража по сторонамъ, хотя бы за деньги, не переходя однако за черту развѣдочныхъ разъѣздовъ, въ виду возможности наткнуться на мятежническія шайки, несомнѣнно бродившія кое-гдѣ. Неуспѣшнаго фуражированія, не предвидѣлось. Мѣстность была плодороднѣйшая, какъ говорится, непочатый уголокъ.

Не успѣли еще заночевать, какъ исправляющій должность полковаго квартирмейстера, поручикъ Реми, вручая мнѣ, на всякій случай, около сотни червонцевъ, передалъ приказаніе полковаго командира чуть свѣтъ отправиться на фуражировку въ тылу арміи, по направленію къ Служево; стараться сколь можно болѣе добыть сѣна, овса и для того взять всѣ полковыя, штабъ-офицерскія и ротныя повозки, не возбраняя офицерамъ присоединять къ обозу своихъ вьючныхъ лошадей. Былъ данъ и вооружен-

ный конвой. Такое порученіе было для меня новинкой. Въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, откуда за недѣлю до выступленія въ походъ, вся молодежъ выпускнаго класса, была отправлена въ полки, насъ не учили фуражированію. Volens-nolens надобно было собираться на фуражировку. Распорядившись чтобъ обозъ былъ готовъ на зарѣ и соснувъ немного, я двинулся въ свое время въ путь, посадивъ конвойныхъ на переднія и на бывшія въ хвостѣ повозки, такъ что образовались и авангардъ и аріергардъ. Главную же силу полагалъ я въ собственной распорядительности и находчивости. Молодость самонадѣянна!

Проѣхавъ верстъ съ двадцать пять, съ проводникомъ на веревочкѣ, мы увидѣли столько помѣщичьихъ усадебъ съ фольварками, что не знали, за который изъ нихъ взяться для нагрузки порученныхъ намъ повозокъ·

Почему-то понравился намъ одинъ изъ фольварковъ, до котораго было версты четыре. Доѣхали до него и не ошиблись: стодолы оказались полными хлѣба въ снопахъ и сѣна. Было около полудня. Явившійся управляющій началъ увѣрять, что безъ госпожи своей, живущей въ четверти мили, ни подъ квитанцію, ни за деньги, не можетъ дать ни снопа.

Не обративъ ни малѣйшаго на то вниманія, я приказалъ фуршатамъ, ротнымъ конюхамъ и деньщикамъ начать обмолачивать овесъ. Самъ же, взявъ конаго фуршата при саблѣ, скоро, на лихомъ дощѣ, былъ уже на мызѣ, сочтя обязанностью, лично увѣрить барыню, что во всемъ, что будетъ взято, выдадимъ квитанцію, по которой она получитъ деньги изъ полеваго интендантства. Въ то время, было строгое приказаніе отнюдь не обижать жителей.

Помнится что мыза, къ которой принад-

лежалъ понравившійся намъ фольваркъ, какъ и всѣ мызы Привислинскаго края, была украшена пирамидальными тополями, и не безъ птицы „черногуза“ съ гнѣздомъ на крышѣ. Спрыгнувъ у крыльца съ коня и отдавъ его фурштату, я былъ тутъ же обласканъ, неизбѣжными у каждаго польскаго помѣщика, гончими собаками. Пройдя сѣни, переднюю и войдя въ залъ, гдѣ былъ уже накрытъ обѣденный столъ человѣкъ на двѣнадцать, я очутился передъ молодою, красивою хозяйкой, заявившею что ея мужа дома нѣтъ, но что онъ будетъ очень жалѣть не имѣвъ чести познакомиться со мною. По переходѣ въ гостинную, любезность ея удвоилась, какъ только она узнала во мнѣ гвардейскаго офицера. При этомъ была еще какая-то дама, показавшаяся мнѣ глухонѣмою. Послѣ пустаго разговора, хозяйка счастливой наружности, присѣла за фортепіяно, проиграла что-то не очень музы-

кальное, и, когда ей доложили что кушанье подано, она любезно пригласила меня къ обѣду, указавъ мѣсто возлѣ себя по правую руку. Не подумавъ, я согласился. Взявшись за стулъ, вижу: лѣзутъ въ залъ изо всѣхъ дверей, точно тараканы изъ щелей, паны: кто въмундирномъ полукафтанѣ съ погонами, иные въ чамаркахъ, съ ленточкой амарантоваго цвѣта въ петлицѣ; ксенза, кажется, не было. Разсѣлись уплетать поданное горячее, не помню капустнякъ, или же, супъ миндалевый.

За первымъ блюдомъ, пока не былъ еще утоленъ голодъ, которымъ конечно хромали и появившіеся вояки, отрекомендованные мнѣ хозяйкой какъ раненые, возвращающіеся до-дому, благополучіе не нарушалось. Но, при перемѣнѣ тарелокъ для втораго блюда, когда уже я разсчитывалъ на вкусныя „зразы“, „полендвицу съ картофлями“ и на „позюмки со сметанкой“, чего со вре-

мени стоянки нашей въ Ломжѣ и Остроленкѣ въ глаза не видалъ, вояки повели между собою, со свойственною имъ бравурой, разговоръ оскорбительный для Русскаго. Не взвидѣлъ я свѣта! Потемнѣло въ глазахъ! Что тутъ было дѣлать девятнадцатилѣтнему юношѣ, при тульскомъ только клинкѣ, съ вырѣзкой „Златоустъ", да съ резервомъ изъ одного фурштата у подъѣзда? Пустить въ ходъ ножъ или вилку противъ десятерыхъ паповъ, при патріоткахъ, радовавшихся ихъ храбрости съ мальчикомъ, было бы смѣшно. Кто знаетъ, быть—можетъ не сдобровать бы тогда на фольваркѣ и фуражирамъ. По счастію, на выручку явился обѣдавшій съ нами пожилой, довольно тучный господинъ въ мундирномъ полукафтанѣ, показавшійся мнѣ довудцей, а можетъ-быть мужъ молодой хозяйки. Онъ, вставъ и грозя ножомъ, задыхаясь отъ негодованія, внушительно прикрикнулъ на

вояковъ: „Ахъ вы лайдаки! Насъ десять человѣкъ, а офицеръ одинъ, и вы его оскорбляете! Не позвалямъ!“ Кракусы тотчасъ же поджали хвосты. Воспользовавшись такою поддержкой, я поспѣшилъ покинуть обѣдъ и, благодаривъ благороднаго старика, воротился на фольварокъ. Всю ночь, при фонаряхъ, промолотили овесъ. Поутру провѣяли его и къ ночи я былъ уже дома, правда нѣсколько смущенный вѣроломствомъ ласкавой Польки; за то счастливый тѣмъ, что къ удовольствію всѣхъ, привезъ большой грузъ фуража.

Описанный случай былъ однако добрымъ мнѣ урокомъ и сдѣлалъ осторожнѣй. Не случись благороднаго старика, быть бы мнѣ безъ вѣсти пропавшимъ! Богъ спасъ!

Легко жилось намъ тогда. Молодость беспечна. Жилось легко и потому, что мы уже понимали куда и за чѣмъ идемъ. Время года было самое лучшее; погода покрови-

тельствовала намъ. Непрошенная гостья— холера покинула насъ за Вислой. Здоровье войскъ, хорошо содержанныхъ, было превосходное. Жалованье двойное. Овощи, фрукты, поспѣвали. Чрезъ жидковъ можно было имѣть даже прихотливый обѣдъ особенно когда перешли къ Ловичу и Аркадіи. Деньщики наши безъ провизіи не возвращались, чему особенно помогало то, что жители убѣдились, что за все у нихъ требуемое, платятъ дукатами. Бывали конечно и жалобы на нашихъ импровизированныхъ дворецкихъ; но онѣ были какъ исключеніе, причемъ, просители уходили отъ насъ всегда удовлетворенными.

Къ 8-му августа, мы были уже у Надоржина, въ составѣ сгруппированной семидесяти пяти тысячной арміи, въ одномъ переходѣ отъ Варшавы. Начинали вязать фашины, дѣлать лѣстницы, настилать передъ собою мосты, чрезъ довольно топкую рѣченку. Упражнялись примѣрно въ штурмованіи на-

скоро сдѣланнаго редута. Чувствовалось, что не далеко уже и до кровавой развязки у стѣнъ мятежной Варшавы. Построили баню; войска были сыты, былъ и фуражъ. Но, при сборѣ почти всей арміи, на не большомъ сравнительно пространствѣ, главнокомандующій не переставалъ охранять сельское населеніе отъ не невозможныхъ насилій со стороны фуражировъ, хотя на покупку фуража давались деньги золотомъ, чѣмъ населеніе несомнѣнно привлекалось къ повиновенію законному правительству. Для охраны населенія посылались на опредѣленные пункты, въ тылу арміи, офицеры съ вооруженными командами, на такъ—называемый „залогъ“. Спеціальною обязанностью ихъ было: не допускать ни въ какихъ видахъ обидъ жителямъ; и жители, поняв благотворность такой мѣры, смотрѣли на офицеровъ къ нимъ присланныхъ, какъ на своихъ защитниковъ.

И на мою долю выпала командировка. Было это недѣли за двѣ до штурма. Не упомню, какая именно мѣстность была ввѣрена моему охраненію. Кажется по Радомской дорогѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Варшавы, и верстахъ въ пяти за какимъ-то мѣстечкомъ, гдѣ уже стояла сотня Донцовъ.

Вмѣстѣ съ командировкой и двумя стами червонцевъ на фуражъ, я, получилъ приказаніе полковаго командира, Николая Петровича Анненкова, постараться захватить и привести съ собою по—больше подводъ подъ ранцы и раненныхъ. Предъ отѣздомъ я взялъ слово съ поручика Реми, передавшаго мнѣ деньги, извѣстить меня тотчасъ какъ только узнается, что войска наши двигаются къ Варшавѣ. Благородный товарищъ, сдержалъ свое слово.

Чрезъ сутки я былъ уже тамъ, гдѣ стояла казачья сотня и познакомившись съ

офицерами, отправился на назначенный пунктъ, нѣсколько уже ознакомленный съ мѣстностью. Я зналъ, что тамъ цѣлая колонія помѣщиковъ средней руки; что одинъ изъ нихъ, дряхлый отъ ранъ полковникъ наполеоновскихъ войскъ, и что стоянка въ средѣ ихъ будетъ покойна. Съ командой около тридцати человѣкъ, я сталъ въ центрѣ населенія.

Оповѣстивъ помѣщиковъ, что присланъ охранять ихъ, и если понадобится фуражъ, то заплачу за него золотомъ, я въ тоже время велѣлъ старшему унтеръ-офицеру, безъ малѣйшей огласки, собрать свѣдѣніе: сколько у кого изъ помѣщиковъ исправныхъ повозокъ и лошадей. Помнится что ихъ было начтено не менѣе четырехъ десятковъ. Самъ я помѣстился у одного шляхтича, имѣя при себѣ одного гренадера, служившаго и конюхомъ и поваромъ. Читать было нечего. Оставалось гулять, ѣсть, пить чай, да по боль-

ше спать. Провѣдывалъ козаковъ, и донецъ мой оказался не изъ послѣднихъ скакуновъ; былъ какъ-то на жалкой ярмаркѣ съ ея странствующими шулерами, которые, въ кавярнѣ сильно ухаживали за мной: поправился имъ видно мой кошелекъ, набитый дукатами.

24-го августа, нагулявшись вдоволь, въ сумерки, когда конюхъ нашъ ставилъ уже хозяйскій самоваръ, увидѣлъ я предъ собою, какъ изъ земли выросшаго, фуршата съ пакетомъ въ рукѣ. Я попялъ въ чемъ дѣло.

Прошла охота къ чаю! Немедленно были поставлены часовые у всѣхъ выѣздовъ, со строгимъ приказаніемъ не выпускать ни одной лошади. Донецъ осѣданъ; чемоданъ уложенъ. Сборы были коротки. Въ околицѣ бѣготня. Тогда же началась нагрузка овса; но видно жидовская пантофельная почта, быстрѣе ходитъ чѣмъ какъ могла пробѣжать изъ--подъ Надоржина сорокъ верстъ фуршатская лошадь: паны, кромѣ пана полков-

ника, успѣли уже сократить свои перевозочныя средства. Оказалось, что мы смогли захватить, не обращая вниманія на крики паповъ, не болѣе двадцати парокопныхъ подводъ и то, благодаря пану полковнику, который не спустилъ за околицу ни одной лошади. За то и я въ свою очередь былъ великодушенъ, хотя было за что и на него посердиться. Онъ, умолялъ не брать у него подводъ, предлагая мнѣ деньги, уплаченныя ему за овесъ. Попросивъ его не оскорблять меня, я, взялъ у него половину только его подводъ, давъ всѣмъ слово, по взятіи Варшавы, отпустить подводы. Въ свое время онѣ были отпущены; но дошли ли домой, не знаю.

Часа черезъ два, съ тяжело нагруженнымъ обозомъ мы были уже въ дорогѣ. За полночь, доѣхавъ до знакомыхъ казаковъ, въ видахъ скорѣйшаго движенія къ полку, въ ночь на 25-е августа снявшемуся съ бивуака,

уступилъ я казакамъ, по мѣшку овса съ каждой подводы.

Пройдя всю ночь, рано утромъ верстахъ въ 25 не доходя Варшавы, у корчмы, мы сдѣлали привалъ у небольшой помѣщичьей усадьбы съ рѣшетчатою на дорогу оградой. Все было тихо. Вдругъ, видимъ, отчаянно несется къ корчмѣ на измученной клячѣ Еврей, въ ермолкѣ, блѣденъ какъ смерть, крича: „ай, ай! вшисцы Поляцы побиты, Варшава взента!“ Курьеръ этотъ, оказался хозяиномъ корчмы гдѣ мы остановились. Съ появленіемъ его, выбѣжала жена его замараика, съ цѣлою оравой дѣтенышей, грязныхъ, въ пуху. Было не болѣе шести часовъ утра, а Еврей оплакивалъ уже Варшаву. Я смѣялся, но и призадумался, вспомнивъ о братѣ въ полку. Не надолго однакожъ! На склонѣ своего двора, прямо съ постели, безъ шапки, въ халатѣ, съ коломъ въ рукѣ, появился какой-то панъ. Предъ

нимъ въ полномъ отступленіи, нѣсколько нашихъ солдатъ.

Нужно сказать, что хотя я и былъ противникомъ всякого насилія, но на добываніе солдатомъ себѣ чего—либо изъ съѣстнаго, смотрѣлъ сквозь пальцы, не пропуская однако виновнаго безъ внушительнаго порицанія.

Не полюбилась мнѣ ретирада однополчанъ. Подбѣжавъ къ нимъ на выручку и остановивъ пана съ коломъ, съ пѣной у рта что—то бормотавшаго, я тотчасъ охладилъ его, посуливъ накормить его свинцовыми орѣшками. Не опусти панъ кола и приведи я въ исполненіе угрозу, быть бы подъ судомъ! Но Богъ спасъ. Оказалось, что солдаты, любители ветчины въ окорокахъ, забрались—было на панскую коптильню. Накормивъ лошадей, мы двинулись къ Надоржину. Громъ пушекъ становился слышнѣе и слышнѣе; виднѣлись облака пороховаго дыма. Очевидно,

что штурмъ Варшавы еще длился. Около полудня, добрались мы наконецъ и до мѣста откуда въ минувшую ночь, полкъ пошелъ къ Варшавѣ. Тамъ нашли только фурштатскаго офицера, ротныхъ каптенармусовъ при полковыхъ тяжестяхъ, топившуюся баню и пустые шалаши. Отдохнувъ нѣсколько и сбросивъ привезенный фуражъ, я съ порожними подводами потянулся къ полку. Въ сердцѣ было не покойно: не убитъ ли братъ?

Верстахъ въ пяти отъ Варшавы, у ручья, увидѣли мы таборъ маркитантовъ, чуть не со всей арміи; всѣ навеселѣ, распиваютъ чай. Окружили насъ, кто со стаканомъ чаю, кто со стаканомъ водки или вина, безъ шапокъ и кланяясь въ поясъ, просили откушать; иные пьяненькіе, со слезами приговаривали: „откушай родимый! какой ты еще молоденькій, а уже идешь положить животъ свой за насъ“. Въ тоже время, впжу ѣдетъ армейская ротная повозка и въ ней безъ

сюртука, въ залитой кровью рубашкѣ, везутъ убитаго офицера; у изголовья сидитъ добрый деньщикъ его. Я поклонился праху убитаго, перекрестился, выпилъ стаканъ чаю и далѣе. Но не скоро покинула меня грустная мысль: привѣтствіе маркитантовъ, не предсказаніе ли что завтра и меня повезутъ мимо нихъ убитаго, съ тою разницей что тѣло будетъ провожать не деньщикъ, а братъ, а можетъ-быть и мнѣ придется провожать тѣло убитаго брата.

Къ вечеру того же 25-го августа, я уже былъ при полку на второй позиціи, за вторымъ армейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ. Пушечной пальбы, кажется, уже небыло. Явившись къ полковому командиру и получивъ благодарность за подводы подъ раненныхъ, я свидѣлся съ братомъ и товарищами. Разспросамъ не было конца. Я узналъ, какъ формировалась сотня охотниковъ, какъ всѣ офицеры выходили въ охотники, но по же-

ребью досталось только четыремъ. За меня вынималъ жребій, поручикъ Ѳедоръ Николаевичъ Лавровъ. Узналъ, что защита Воли и передовыхъ укрѣпленій была отчаянная, но наши войска все-таки завладѣли позиціей, хотя это не дешево намъ досталось. Была уже ночь, подошли въюки. Спать ни кому не хотѣлось. Ночь была теплая; ее смѣнилъ прекрасный день 26-го августа. Напились кое-какъ чаю; солнце было уже довольно высоко, а ни съ какой стороны, къ изумленію всѣхъ, не было выстрѣла. Стало слышно, что Поляки одумались, покоряются и что начались уже переговоры. Было часовъ 8 утра. Скучно безъ дѣла. Намъ было разрѣшено взять людей съ лопатками и похоронить неубранныхъ еще убитыхъ. Перекрестивъ каждаго изъ нихъ, мы живо ихъ зарывали; но не успѣли еще, похоронить всѣхъ, какъ слышимъ потрясающее ура! и раскаты его по всѣмъ линіямъ. Закричали

и мы ура! и бѣжать къ своимъ мѣстамъ, крестясь и думая: ну, слава Богу, война кончилась! Послали баталіонныхъ адъютантовъ на переднюю линію, узнать что тамъ такое случилось. Но увы! возвратившіеся разсказали, что гдѣ-то выбѣжалъ изъ кустовъ заяцъ. Солдаты увидѣвъ косаго, забыли про всѣ ужасы вчерашніе и предстоящіе, и давай его суетить. Невидавшіе того, приняли отдаленный крикъ за ура, начали вторить, и такимъ образомъ, всѣ линіи на пространствѣ можетъ—быть пятнадцати верстъ, хватили тоже ура. Изумительна бодрость нашихъ войскъ!

Былъ второй часъ полудни. Видимъ движеніе въ передней линіи и какой-то кавалерійскій полкъ дпхо, на рысяхъ, прошелъ впередъ въ нашъ интервалъ. Всѣ стали на свои мѣста, а пушечный выстрѣлъ со стороны нашей уже Волп, затѣмъ сильнѣйшая канонада не позволили сомнѣваться, что на-

чался новый актъ кровавой драмы—второй штурмъ. Запрыгали ядра, понесли раненыхъ, застонала земля! Густыя облака пороховаго дыма скрыли отъ насъ грѣшницу Варшаву.... Начало вечерѣть. Насъ подвинули впередъ за взятыя наканунѣ укрѣпленія. Тамъ, по ужасающему множеству убитыхъ, завалившихъ собою рвы и по профилямъ укрѣпленій съ волчьими ямами, увидѣли что тутъ было не сраженіе, а бойня.

Стемнѣло. Подвинули насъ еще впередъ. Канонада стихала; ее смѣнилъ не умолкавшій по всему городскому валу трескъ бѣглаго ружейнаго огня. Тутъ сказали намъ что валъ уже въ нашихъ рукахъ, что сломили Поляковъ и у Іерусалимской заставы; при чемъ не мало тамъ легло и лейбъ-гусаръ. Сотни вѣтряныхъ, внѣ города, мельницъ съ вертящимися въ огнѣ колесами, горѣли, освѣтивъ поле смерти. Настала ночь. Узнали мы и то, что изъ четырехъ нашихъ това-

рищей—охотниковъ трое: поручикъ Ѳедоръ Гавриловичъ Реми, подпоручикъ Николай Трофимовичъ Барановъ*) и прапорщикъ Александръ Александровичъ Рудзевичъ—ранены; а прапорщикъ Николай Афанасьевичъ Чебышовъ—убитъ. Оплакали его. Не спалось и эту ночь. Всего не пересказать чего мы насмотрѣлись, что перечувствовали за это время. Всю ночь помогали раненымъ, оставшимся на полѣ и выходившимъ изъ Варшавы.

Настало утро 27-го августа. Видимъ, идетъ къ намъ усталый прапорщикъ Чебышовъ, съ солдатскимъ Георгіемъ за Варну, безъ фуражки, въ сюртукѣ съ прострѣленными полами. Самъ же онъ, побывавъ и за валомъ, нигдѣ даже не оцарапанъ. Радость наша что онъ живъ, была невыразима.

Съ 7-ми часовъ утра, гвардейская пѣхота, съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павло-

*) Нынѣ Графъ, генералъ отъ Инфантеріи, Генералъ Адъютантъ.

вичемъ, съ распущенными знаменами, съ музыкой, торжественно уже вступала чрезъ Іерусалимскую заставу въ покоренную Варшаву. Помнимъ, что у этой заставы, влѣво, были тогда ямы, откуда городъ бралъ глину. Тутъ, двѣнадцать часовъ тому назадъ, съ обѣихъ сторонъ, легло столько народу что шоссе едва успѣли очистить отъ убитыхъ. Мы видѣли еще умиравшихъ; на ходу успѣвали облегчить ихъ тѣмъ только, что наскоро, клали подъ головы валявшіеся тамъ же ранцы.

При нашемъ слѣдованіи по баррикадированнымъ улицамъ Варшавы, въ иныхъ мѣстахъ съ бойницами въ заборахъ, окна, крыши домовъ были залиты народомъ. Выносили ведра съ водой и красное вино для утоленія нашей жажды; но касаться предлагаемаго, было воспрещено изъ опасенія не невозможной отравы.

Пообжились нѣсколько въ Варшавѣ, сна-

чала на площадяхъ, потомъ въ казармахъ со строго—военными предосторожностями, частію въ ресторанахъ: Пуаре и Зборбори. Ходили мы и къ Модлину, гдѣ простоявъ однажды всю ночь въ передовой цѣпи съ секретами, какъ только разсвѣтать стало, неожиданно увидѣли предъ собою на ружейный выстрѣлъ, у Новаго Двора, по сю сторону Бута, польскіе конные пикеты, тогда же впрочемъ убравшіеся за рѣку. Болѣе не встрѣчались уже съ вооруженнымъ непріятелемъ. Войнѣ былъ конецъ.

Никто не остался безъ награды. Изъ охотниковъ: поручикъ Реми и прапорщикъ Рудзевичъ, получили орденъ Св. Георгія 4-й степени за храбрость.

4-го октября, за Варшавой, на историческомъ полѣ между Вольскою и Іерусалимскою заставами, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе. Затѣмъ, гвардія начала выступать въ обратный походъ. Зи-

мовали около Риги, а 28-го февраля 1832 г., были уже дома въ С.-Петербургѣ, гдѣ подъ часъ, тосковали по бивуачной и боевой жизни, братски связывающей однополчанъ.